

Рита БАЛЬМИНА

Ах, эта свадьба...

На веселой свадьбе Миши Когана, белоzubого улыбочивого программиста из Силиконовой долины, и очаровательной Алочки Беккер — без пяти минут врача-окулиста — в роскошном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене пятнадцатого мая 2004 года хорошо быть сверстниками жениха и невесты, такими же, как молодожены, раскованными, неприужденными молодыми американскими профессионалами, в которых невозможно заподозрить эмигрантов в первом поколении, потому что привезли их родители в Новый Свет вовремя... Они почти не вспоминают родных мест (там дерево под домом росло и наша Багира прямо по ветке взбиралась домой на второй этаж), радостно дергаются в такт и не в такт музыке (hi, cousin, you look stunning, let's have a drink по рюмашке as grandma likes to say), пьют шампанское, шутят, смеются...

В роскошном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене пятнадцатого мая 2004 года хорошо быть женихом — красивым, высоким, успешным брюнетом (они предложили мне очень приличные стартовые, и я поехал: why not? А у Алки там будет просто море пациентов: programmers need oculists... Что-то? — программисты нуждаются в окулистах, дядя Гриша, причем некоторые — остро! Смеется, поднимает невесту, кружит, и если бы левый Гисси не жал, а мама, как всегда, не вмешивалась во все...). Замечательно быть и невестой — невесомым белоснежным облаком с тонкой талией и перламутровым венчиком на белокурой прическе (белое мне всегда шло, потому что я выбрала свою профессию, — смеется), а после трехчасовых стараний очень дорогого визажиста она сегодня может дать фору самой мисс Вселенная.

Хорошо быть одноклассницей невесты, модной фотомоделлю Ланой, положившей порочный зеленый глаз на гостя из Кельна — кузена жениха, двухметрового амбала Аркашу, и все время задевающей его в танце то локтем, то коленкой, то длинными малиновыми волосами... (Как редко встречаются мужчины, на которых не

приходится смотреть сверху.) Ну вот, кажется, клонул, красавчик... (I completely broke up with Jackie. He's a gambler and a loser... Do you know how much he lost in Atlantic City? — переходит на шепот, а у невесты округляются глаза.)

На веселой свадьбе белокурой и белоснежной Алочки Беккер хорошо быть папашей невесты — известным всему Бруклину косметическим дантистом Семеном Беккером, красноречивым от выпитого, плотным лысеющим живчиком, способным перетанцевать весь этот молодежь; он все танцует и танцует, даже когда сидит и пьет, и жалеет только о том, что не мог позвать сюда свою новенькую ассистентку Зою: приличия он всегда соблюдал, всегда.

В фешенебельном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене неплохо

быть афроамериканской певицей Синтией Грин — маленькая верткая попка, большие перламутровые губы, множество косичек... Она поет почти басом:

*Go, I rather be alone
I'll do fine by myself
I don't like your macho tone
Play alone with yourself,
— дергаясь как на шарнирах... —
They don't bargain with me
Because they know me well...
That's great, Mario,
That you was able to pass
This powder to them.
Now everything will be all right.*

В роскошном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене пятнадцатого мая 2004 года: хорошо быть президентом США: захотел — и ввел войска... Он кому хочешь введет ха-ха-ха все что угодно... Но вы же еврей, Фима, Вы должны одобрить... Горько! Горько! Горько! Ни осел, ни слон меня не могут удовлетворить — я проигногирую эти выборы — бенедиктов за это не отбигают... Она открыла бизнес прямо у себя дома — стрижки, маникюр, педикюр, а две тощие нелегалки делают там массаж и, мне кажется, не только — уж много много пейсатых к ним ходит... Горько! Горько! Горько! Ну, не плачь Джессика, не плачь, зайка, какой поц дал ребенку горчицу?.. Передайте мне осетринку, плиз, фенкью. Он же полный ступет: уже в третий раз не сдал экзамен на гражданство... а я ему: шарап, мазерфакер, фак-офф, а мне эта чернокожая скотина... Горько! Горько! Горько!

Горько быть рыжим таксистом Мариком Черкасским, другом детства невесты, приехавшим в прошлом году из Израиля по выигранной грин-карте и влюбленным в Алочку с тех давних пор, когда их семьи еще были соседями... Наливая себе очередную стопку водки неуклюжими ворсистыми пальцами (сказываются боевое ранение в декабре 99-го под Дженином), бедняга старается не смотреть на чужую невесту, чтобы не зареветь, как в детстве, когда она сломала его велосипед.

На веселой свадьбе Миши Когана очень тяжело быть его восьмидеся-

тисемилетним дедушкой в кресле на колесах, которому паркинсон мешает наколоть на вилку огурчик и потом попасть им в рот, а альцгеймер каждые пять минут заставляет интересоваться: Роза, это свадьба Эдика? — Нет, Изя, это Мишенькина свадьба,

младшего мальчика нашей Балочки, давай помогу тебе разрезать котлетку... И через пять минут снова: Роза, так это Эдик женится? (к слову, любимым внуком — Эдиком — тоже очень тяжело быть: он сидит сейчас в тюрьме в Иллинойсе за махинации с автомобильными страховками и сидеть ему еще восемь лет).

В роскошном свадебном зале на Пятой авеню в Манхэттене трудно быть обслуживающим персоналом (букеты невест, бабочки женихов, лавирование среди молний фотокамер с перегруженными подносами между взятыми на прокат такси, клифтами и вечерними платьями, нетрезво скачущими под хриплые вопли скандальной наркоманки из Бронкса — рутинный ежевечерний конвейер до двух часов ночи).

Плохо быть холодными закусками, горячими блюдами, аперитивами, десертом: официанты меняют тарелки так часто, что рьяные плясуны даже не успевают ничего попробовать, и шедевры кулинарного мастерства отправляются теплыми и нетронутыми в зеленые мусорные баки долго-

вязым и меланхоличным чернокожим посудомойщиком Жаком, печально думающим о невозможности накормить всем этим тех, кто еще живет в маленькой малийской деревушке, где тринадцать лет назад во время засухи умерли с голоду четверо его младших братьев.

На веселой свадьбе — плохо быть банкротом? А тупом лучше? Его пагнера госто застгелили... Ай-ай-ай, что вы говорите?! — такая приятная женщина, я же только недавно ее видела в "Миллениуме", когда приезжал Жванецкий... У Белоцерковского тоже кансер... Горько! Горько! Горько! Телеграмма от бабушки Берты из Хайфы, от Льва Беккера из Кейптауна, от Баташовых из Сан-Франциско, от Марины из Франкфурта, от Айбиндеров из Монреаля, от Володи Берга из Сиднея, от дяди Арона и тети Наргис из Баку, от Полины и Серези из Одессы. Горько! Горько! Горько!

А мне свадебное платье Тереза-модистка, соседка с третьего этажа, выкроила из обгоревшего парашюта — а этот парашют она еще при немцах нашла на развалинах нашей улицы... А я потом платье стеклярусом расшила — очень красиво получилось, только фату пришлось клейкой лентой крепить к голове: волосы-то еще не отросли после тифа... Все соседи пришли — и из нашей коммуналки, и с других этажей — принесли кто что мог к столу, а управдомша, Анна Викторовна, налепила вареники с мороженой кониной... Очень весело было: танцы под патефон до глубокой ночи — девчата, женщины — вальс, танго... У нас с сестрой Лизой, земля ей пухом, клифтами и вечерними платьями, нетрезво скачущими под хриплые вопли скандальной наркоманки из Бронкса — рутинный ежевечерний конвейер до двух часов ночи... Какое необыкновенное было время — война окончилась... победа... и мы так любили друг друга, так любили... дай тебе бог, детка, прожить с Мишей такую же долгую и счастливую жизнь, как мы прожили с Федей, земля ему пухом... Дай вам бог...

Рис. Владимира Шинкаревского.

Александр ДОРОШЕНКО

МЕТАЛЛОБАЗА «ЧАША ГРААЛЯ»

"Заметь, мой верный и преданный оруженосец, как беспросветна ночь, как необычно безмолвие, как глухо и невнятно лепечет листья, как жутко шумит поток... Все эти явления... способны заронить боязнь, страх и ужас в сердце самого Марса... Однако все эти описанные мною ужасы только пробуждают и воспламеняют мою отвагу, и мое сердце готово выпрыгнуть из груди — до того жажду я броситься в это приключение, каким бы трудным оно не представлялось. Поэтому подтяни немного подпруги у Росинанта, и да хранит тебя бог!"

Мигель де Сервантес и Сааведра.
Дон Кихот

На Пересыпи, на траверсе сахарного завода, влево за переезд, в районе Лиманчика, напротив станции очистки (туда свозят отловленных бездомных животных и там совершается братоубийство, если мы всерьез верим, что у нас есть "меньшие братья"), среди островков камышей, густо покрытых пылью разбитых дорог, среди озерных непросыхающих луж, в которых машинное масло разбавлено дождевой водой, расположены всякие базы и склады металлоизделий. К ним, ковыляя по выбоинам дорог и густо разбрызгивая лужи, опасно наклоняясь в сложных местах рельефа, под небом голубым идут грузовые машины за черным металлом — листом, прокатом и бухтами проволоки. (Этот металл не черный — он ржавого цвета, он на самом деле цветной.) Наша цель была обозначена громадными буквами вывески, и размещены эти буквы были на заборе, с каждой стороны от ворот, жирной кистью и густой масляной краской, на которую не поскупились, чтобы во-

дитель мог издали определить в направлении пути:

**"Оптовая база металлоизделий и стройматериалов "Чаша Грааля"
— всегда широкий выбор!"**

Нам нужен был листовой металл. Справа от ворот, во дворе базы, среди растительности, обозначенной чахлами ржавого цвета кустиками, в одноэтажном строении с колонками тосканского, как принято в Городе, ордера по бокам входа находилась контора. Собаки здесь, как и на всех таких базах и складах, многочисленны, связаны родством и умеренно сыты. Их масть определить никак невозможно, от гипсовой пыли, от ржавеющих гор металла, от разговорной бытующей здесь речи они переняли цвет, и он похож на ржавчину, припорошенную пылью. Только щенки еще сохраняют белые и черные пятна... Им, щенкам, весело бегающим вокруг, вселенная представляется только такой — горами металла, бухтами проволоки и арматуры, мешками с цементом и гипсом, натужно ревущими моторами буксующих в лужах масла машин. Языку они учатся у грузчиков. Командует базой и отпускает товар дама средних лет с плотным усестом и с давнишними следами былой красоты. Дама курит, голос имеет зычный и умеет им пользоваться. Такова профессия — вокруг царит простота нравов — среди грузчиков, водителей и экспедиторов. Все они ждут на улице перед домиком и входят по очереди, дисциплинированно. На входе гасят окурок и вытирают ноги.

За спиной дамы висела на ржавой стене великопленная размерами и цветом фотография — "Монплеизр в Петергофе" — густая зелень деревьев ласкает стены дворца и все полно влажной питерской прохладой — видно, что весь день шел приятный питерский и потому затяжной осенний дождь, и пропиталась зем-

ля и листва, и стены, и скамьи в парке влагой, и чувствуется запах прелых листьев. Где-то там, в глубине, брошенное вполыхах на кроватку, белеет сквозь венецианские зеркальные окна вечернее платье Екатерины, бежавшей за властью и в бессмертие. Мы с дамой быстро родимся на основе этой фотографии — Питер ей родина, а мне юность. Относительно названия конторы, как возникла такая красивая и удачная мысль, выясняется, что владельцем базы эта "Чаша" представляется вариантом рога изобилия, чтобы клиент сразу мог проникнуться уверенностью, что на такой базе есть все и всегда, и так всегда будет!

(Это основа торговли. Помните незабвенного Швейка, посланного фельдкуратором Отто Кацем за освященным елеем и бесплодно обошедшего множество аптек и лакокрасочных магазинов, пока в фирме Полак на Длугой улице хозяин на просьбу Швейка не сказал приказчику: "Пан Таухен, налейте ему сто граммов конопляного масла номер три", — и Швейк ушел довольный?)

О, великие тени рыцарей, неужели вы незримо присутствуете здесь, собранные этим магическим именем "Чаши"?.. О, Ланселот и неистовый Роланд, как мне различить ваши тени среди разбитых унитазов и проволочных гор! И ты, старый рыцарь печального образа — неужто где-то здесь стоит, прислоненный к проволочным бухтам (индекс ДК-СС-735-94Б), твой надежный боевой щит?

Нам надо было перевезти металл, 200 килограмм железного листа, неподалеку расположенный производственный участок. Машины здесь ходят большегрузные, и поймать свободную машину невозможно. Мы долго пытались остановить и договориться. Отчаявшись и глядя на проходящую мимо собачью будку с длинной плоской клеткой вместо кузо-

ва, я пожаловался в раздражении своему технику Михаилу — хоть на крыше этой клетки перевозил! И ушел горевать в контору. К Монплеизру и Прекрасной даме увядших лет.

А через несколько минут что-то во дворе металлобазы случилось. Взметнулись к небу и переплелись звуки собачьей и человеческой речи... И наступила мертвая небывала здесь тишина — на глазах потрясенных грузчиков, на глазах чашеграальских псов, утративших сначала голос, но затем, обретя его, отгавкавших на несколько лет вперед... въехала собачья будка в ворота и на территорию металлобазы "Чаша Грааля". Вначале псы даже не онемели, они не верили своим глазам... я видел, как один старый заслуженный хрипун, сев на хвост, выбросил к небесам передние лапы, как бы к ним взывая, как бы пытаясь закрыть глаза и уши, чтобы не быть причастным к такому позору... В этой позе, в ее правдивости и экспрессии, он напоминал одного из малых пророков Библии, мечущего грома на головы непокорных колен Израиля. (У колен этих были так устроены и форму имели такую голову, что горохом отскакивали от них укоризны как больших, так и малых пророков.)

"Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! ...Тиру и Сидону отраднее будет в день Суда, нежели вам".

* Святой Грааль это чаша, служившая во время Тайной Вечери, куда Иосиф Аримафейский собрал затем кровь и воду, хлынувшую из раны в боку Иисуса, нанесенной копьем центуриона Лонгина. По легенде, эта чаша попала впоследствии в Британию, и так установилась связь между кельтской традицией и христианством. "Круглый Стол", сооруженный королем Артуром по замыслу Мерлина, предназначался именно для Грааля.